

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

Г р а ф у

Л. Н. Толстому

по поводу его отвѣта на постановленіе Святѣйшаго Синода.

М. А. Новоселова.

Вышній-Взлочекъ.
Типографія В. С. Соколовой
1902 г.

Отъ С.-Петербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатать разрѣшается.
С.-Петербургъ 8 Февраля 1902 г.

Цензоръ Архимандритъ Арсеній.

Съ того времени, какъ мы разошлись съ вами, Левъ Николаевичъ, т. е., съ тѣхъ поръ, какъ я сталъ православнымъ, а этому есть уже лѣтъ 8—9, я ни разу не разговаривалъ съ вами о томъ, что такъ важно для насъ обоихъ. Иногда меня очень тянуло написать вамъ, но краткое размысленіе приводило меня къ сознанію, что дѣлать этого не нужно, что изъ этого никакого толку не выйдетъ ни для васъ, ни для меня. Теперь я беру съ перо подъ впечатлѣніемъ только что прочитаннаго мною вашего отвѣта на постановленіе Синода отъ 20—22 февраля. Ничего новаго для себя я не встрѣтилъ въ вашемъ отвѣтѣ, тѣмъ не менѣе почувствовалась потребность сказать вамъ нѣсколько словъ по поводу этой свѣжей вашей исповѣди.

Мнѣ, какъ бывшему вашему единомысленнику, интересны, главнымъ образомъ, тѣ основные моменты христіанскаго ученія, на которыхъ держитесь, съ которыми связано наше теперешнее разногласіе. На нихъ я и хотѣлъ бы остановиться нѣсколько подробнѣе, мимоходомъ лишь отвѣтивъ на прочіе (и даже не на все) пункты вашего писанія.

Другіе, можетъ быть, откликнутся на ваше обвиненіе въ *неканоничности* опубликованнаго синодальнаго постановленія... Я, съ своей стороны, понимаю его, какъ констатированіе уже совершившагося факта вашего отпаденія отъ Церкви, о каковомъ отпаденіи Синодъ и объявляетъ чадамъ Церкви, чтобы предостеречь ихъ относительно вашего ученія. Думаю, что оно имѣло въ

виду и васъ, надѣясь вызвать васъ на серьезный пере-
 смотръ вашихъ взглядовъ на христіанство... Побужда-
 ло Синодъ къ этому акту, нужно полагать, и желаніе
 открыто и во всеуслышаніе заявить объ основныхъ
 истинахъ вѣры христіанскоѣ въ то время, когда въ об-
 ществѣ существуетъ такъ много до противоположности
 несходныхъ воззрѣній на сущность Христова ученія.

Вы называете это постановленіе *произвольнымъ*, пото-
 му что оно обвиняетъ васъ одного въ томъ, въ чемъ
 подлежатъ обвиненію многіе. Отчасти, вы правы, но толь-
 ко *отчасти*, потому что никто изъ той интеллигенціи,
 на которую вы указываете, не вступалъ въ *такую* вражду
 съ Церковью и ея ученіемъ, какъ вы. Непрізнаваніе
 чего-либо, даже отрицаніе,—это не то, что *ожесточен-*
ная борьба, да еще *неразборчивая въ средствахъ*. Въ объ-
 ясеніе и оправданіе послѣдняго замѣчанія приведу вамъ
 слова человека, въ терпимости и высокой порядочности
 котораго вы едва-ли осмѣлитесь сомнѣваться. Когда я
 зимой 1900 года спросилъ покойнаго Владиміра Сергѣе-
 вича Соловьева, почему онъ, умышленно избѣгавшій
 раньше полемики съ вами, выступилъ такъ энергично
 противъ васъ въ своихъ „Трехъ разговорахъ подъ паль-
 мами“, онъ отвѣчалъ: „меня возмутили кощунства „Воскре-
 сенія“ (заграничное изданіе).

Добавлю еще, что истинно вѣрующіе люди едва-ли
 могутъ имѣть что-либо противъ отлученія отъ Церкви
 и всѣхъ тѣхъ, кто заявилъ бы себя солидарнымъ съ
 вами. По моему убѣжденію, удерживать ихъ *формально*
 въ Церкви, когда они *реально* находятся внѣ ея,—не-
 цѣлесообразно и недостойно православія.

Вы называете постановленіе *несоосновательнымъ*, такъ
 какъ людей единомысленныхъ съ вами всего какая ни-
 будь сотня, т. е., вовсе не такъ много, какъ утвержда-
 етъ постановленіе. Не стоитъ ли это ваше заявленіе
 въ противорѣчій съ предыдущимъ замѣчаніемъ, что почти
 всѣ образованные люди раздѣляютъ съ вами то безвѣріе,
 въ которомъ обвиняетъ васъ Синодъ? Вы скажете, мо-
 жетъ быть, что эти интеллигенты солидарны съ вами

только въ вашемъ отрицаніи церковнаго ученія? Но вѣдь это-то отрицаніе главнымъ образомъ и имѣеть въ виду Синодъ, а не тѣ положительныя стороны вашей философіи, въ которой вы насчитываете такъ мало единомышленниковъ.

О „явной неправдѣ“ постановленія ничего не смѣю сказать и оставляю этотъ вопросъ на совѣсти вашей и тѣхъ, кто, по вашимъ словамъ, допустилъ эту неправду.

Что касается „клеветы“, которую вы усматриваете въ постановленіи, то я ея ни въ чемъ не вижу, ибо не вижу „завѣдомо несправедливыхъ утвержденій касательно васъ, клонящихся къ вашему вреду“.

Не могу согласиться съ вами и въ томъ, что оно есть „подстрекательство къ дурнымъ чувствамъ и поступкамъ“.

Въ доказательство послѣдняго вашего положенія вы приводите выдержки изъ нѣсколькихъ писемъ, полученныхъ вами послѣ отлученія. Я согласенъ съ вами, что письма эти не хороши, что они слишкомъ отзываютъ тѣмъ Иліинымъ духомъ, котораго не одобрилъ Спаситель въ сынахъ Зеведеевыхъ, выразившихъ желаніе свести огонь съ неба на оскорбившихъ Учителя самарянъ: „Не знаете, какого вы духа“, — сказалъ ученикамъ Христосъ.

Не знаютъ Христова духа и авторы этихъ писемъ. Но при чемъ тутъ постановленіе Синода? Вы съ большей основательностью могли бы упрекнуть приходскихъ пастырей въ нерадѣніи къ духовному устроенію словесныхъ овецъ, обнаруживающихъ волчьи зубы.

Вы скажете, можетъ быть: Синодъ долженъ былъ предвидѣть это. Пусть такъ, но нельзя было этого *предупредить*. Непуб.ковать постановленія. — возразите вы. Но вѣдь въ такомъ случаѣ придется совѣмъ сложить руки, такъ какъ почти всякое постановленіе можетъ быть негѣно понято и дурно принято невѣжествомъ и неразуительностью. Лучшимъ подтвержденіемъ этого служить ваше ученіе: припомните, какой видъ оно принимало, проходя чрезъ разнокалиберныя головы и сердца послѣдователей вашихъ?! Вамъ это извѣстно, конечно, лучше, чѣмъ мнѣ. — а и мнѣ хорошо извѣстно...

Чтобы не тревожить тѣней прошлаго, укажу вамъ на вашу недавнюю сравнительно вещицу съ невиннымъ и даже христіанскимъ заглавіемъ— „Не убій“, которая *нѣкоторыми* лицами была понята совсѣмъ не такъ, какъ вы, надо думать, желали, судя по заглавію. — и правду сказать, Левъ Николаевичъ, не безъ основанія *на этотъ разъ*, ибо только слова говорили „не убій“, а духъ брошюры питалъ то чувство, которое св. Іоаннъ Богословъ называетъ *человѣкоубійственнымъ*.

Далѣе вы признаетесь, что вы отреклись отъ православной Церкви, но не потому, что возстали на Господа, а напротивъ, только потому, что всѣми силами души желали служить Ему.

Не знаю, умышленно ли вы опустили слова „и на Христа Его“, упомянутыя въ Синодальномъ постановленіи и однажды приведенныя вами.. Ихъ нельзя опускать. Церковь православная (и *не только* православная) тѣснѣйшимъ образомъ связана съ Христомъ. И для всякаго мало-мальски мыслящаго (равно какъ и для не мыслящаго, а одной дѣтскою вѣрою ходящаго) православнаго отреченіе отъ Церкви есть и отреченіе отъ Христа (и возстаніе на Отца Его), ибо Христосъ есть Глава Церкви, Церковь же Тѣло Его. На *сею-то* Христа вы, дѣйствительно, возстали, что и сами признаете спустя нѣсколько строкъ. Служить же вы хотите не Ему и не тому Отцу Его (Господу), Котораго знаетъ и признаетъ *вселенское* христіанство, начиная отъ православнаго и католика и кончая лютераниномъ, штундистомъ и панковцемъ, а какому-то невѣдомому *безличному началу*, столь чуждому душѣ человѣческой, что она не можетъ прибѣгать къ нему ни въ скорбныя, ни въ радостныя минуты бытія своего.

Не буду касаться вашихъ замѣчаній о томъ, *какъ вы измѣдовали* *жизніе Церкви*, а равно и достоинствъ вашихъ богословскихъ трудовъ. Объ этомъ довольно писалось за послѣдніе 10—15 лѣтъ. Позволю, впрочемъ, себѣ сказать нѣсколько словъ. Можно пожалѣть, что вамъ пришлось знакомиться съ христіанскимъ богословіемъ

по руководству м. Макарія. Можетъ быть, приобщеніе на первыхъ порахъ къ болѣе жизненной и животворящей мысли богослововъ-подвижниковъ раскрыло бы вамъ глубочайшую связь между христіанскимъ вѣрованіемъ и нравственностью, а главное, ввело бы васъ въ сферу внутренняго духовнаго опыта, *при которомъ только* и можно непоколебимо вѣрить въ догматы и сознательно его неовѣдывать.

Далѣе вы говорите о церковныхъ обрядахъ, о нѣкоторыхъ догматическихъ вѣрованіяхъ и таинствахъ. Все это вамъ представляется *ложью, кощунствомъ, колдовствомъ, обманомъ*. Не входя въ подробности, которыми, повторяю, достаточно занималась духовная литература послѣднихъ лѣтъ, разбирая ваши произведенія, я остановился на нѣкоторыхъ *общихъ* соображеніяхъ.

Въ одной изъ главъ вашей „Критики догматическаго богословія“ вы, говоря о Церкви, выражаетесь приблизительно такъ: „При словѣ „Церковь“ я ничего другого не могу представить, какъ нѣсколько тысячъ длинноволосыхъ невѣжественныхъ и жадныхъ людей, которые находятся въ рабской зависимости отъ нѣсколькихъ десятковъ такихъ же длинноволосыхъ людей“... Я не опровергаю этого, больше чѣмъ наивнаго, опредѣленія Церкви, ибо знаю, что опроверженіе бесполезно, такъ какъ опредѣленіе это вытекло не изъ логики, а изъ непосредственнаго воспріятія вами фактовъ текущей церковной дѣятельности. Пусть будетъ по вашему, пусть понятіе о Церкви сводится къ понятію о духовенствѣ, и пусть все это духовенство будетъ сплошь невѣжественно и корыстно, пусть оно изъ самыхъ неизменныхъ мотивовъ поддерживаетъ церковное ученіе... Пусть будетъ по вашему, но вѣдь должны же вы были задуматься надъ вопросомъ: когда возникло это ученіе?

Вѣдь не нынѣшними же, по вашему предвзятому представленію, „невѣждами и корыстолюбцами“ установлены таинства, даны догматическія опредѣленія, введены богослужбные обряды... Вѣдь о важнѣйшемъ таинствѣ,

вызывающѣмъ самыя яростныя нападки съ вашей стороны. мы узнаемъ еще въ новомъ завѣтѣ. Обращаю ваше вниманіе на слова ап. Павла (Посл. къ Кор.), который, очевидно, понимаетъ слова Спасителя о Тѣлѣ и Крови *такъ, какъ понимаемъ мы—православные*. Что онъ придавалъ *таинственное* (въ нашемъ православномъ смыслѣ) значеніе священной трапезѣ, это видно изъ того, что въ зависимость отъ недостойнаго вкушенія оной ставилъ *больши и даже смерть вѣрующихъ*.

Не въ Евангеліи ли Христосъ исповѣдывается *Богомъ*?

Не въ посланіяхъ ли апостольскихъ *искупленіе* является краеугольнымъ камнемъ ученія?

Не ближайшіе ли ученики Спасителя (и самъ апостолъ, по бви) посѣщаютъ Іерусалимскій храмъ *для молитвы*?

Не въ первые ли вѣка (II и III) развивается богослужебный чинъ христіанскій?

Не поддерживаютъ ли все это и не полагаютъ ли жизнь свою за то, что вы обзываете ложью, колдовствомъ и обманомъ, ученики Христовы и ученики Его учениковъ?

Левъ Николаевичъ! Вы говорите, что любите истину больше всего на свѣтѣ. Докажите же это на дѣлѣ: отрѣшнитесь на самое короткое время отъ вашего обычнаго отношенія къ *сущимъ* церковникамъ и, забывъ ихъ, перенеситесь мысленно въ первые вѣка христіанства.

Неужели вы дерзнете упрекнуть въ невѣжествѣ, сребролюбіи, недобросовѣстности тѣ сотни, тысячи христіанскихъ подвижниковъ, изъ которыхъ одни вызвали восторгъ и удивленіе своими добродѣтелями даже во враждебно настроенныхъ къ христіанству язычникахъ, другіе проявили глубочайшую мудрость въ своихъ философскихъ и богословскихъ трудахъ? Вспомните Поликарпа, Іустина Философа, Антонія и Макарія Великихъ, Іоанна Златоуста, Василия Великаго, Григорія Богослова, Блаж. Августина, Оригена Адамантоваго... Чѣмъ объясняете вы *въ нихъ* и въ тысячахъ имъ подобныхъ самоотверженныхъ служителей истины—эту вѣрность церковному ученію и именно той его сторонѣ, которую

вы не хотите назвать даже заблужденіемъ, а непременно ложью и обманомъ? Любовь къ истинѣ, которую вы, не колеблясь, признаете въ себѣ, требуетъ, чтобы вы подыскивали другое объясненіе для возникновенія тѣхъ вѣрованій, которыя вы клеймите позорнымъ именемъ колдовства, лжи и безмыслицы...

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ первый періодъ своего обращенія къ Церкви, я прочелъ въ „Вѣстникѣ Европы“ прекрасныя статьи проф. Герье о Францискѣ Ассизскомъ и Екатеринѣ Сиенской. Статьи эти драгоценны тѣмъ, что въ нихъ мы находимъ безпристрастное и въ то же время глубоко-продуманное изложеніе фактовъ внѣшней и внутренней жизни названныхъ католическихъ святыхъ, фактовъ тщательно проверенныхъ и пропущенныхъ черезъ горнило строгой исторической критики. Въ обихъ житіяхъ (да позволено будетъ назвать такъ эти чудныя монографіи!), особенно въ житіи Екатерины, (которую, кстати сказать, св. Димитрій Ростовскій именуетъ блаженною въ церковномъ значеніи этого слова) — съ удивительной яркостью выступаютъ *личныя* отношенія души человеческой ко Христу. Всѣ изумительныя явленія *правдивой* жизни Екатерины, поражающія своей необычайностью и покоряющія своей силой даже людей къ ней враждебно настроенныхъ, оказываются *тѣснымъ* образомъ связанными съ личнымъ ея отношеніемъ къ *живому* Христу Господу. Зависимость эта сказывается такъ ярко, такъ непрерываемо, что нѣкоторые невѣрующіе, но не ожесточенные противъ Церкви люди въ недоумѣніи потупляли очи при чтеніи этого произведенія ученаго автора и задумывались.

Такъ вотъ, когда я по прочтеніи названныхъ статей попалъ въ одинъ московскій кружокъ молодежи, состоящей изъ лицъ, вамъ (а раньше и мнѣ) очень близкихъ, и заговорилъ съ недавними своими единомышленниками о центральномъ пунктѣ христіанства — Самомъ *Богочеловѣчкѣ* и о *необходимости* для христіанна *живого, ощущаемаго* общенія съ Нимъ, причѣмъ сослался (по малости

собственного духовного опыта) на житіе Екатерины. то встретилъ рѣшительный и единодушный отпоръ: для слушателей казалось нелѣпностью общеніе съ „мертвецемъ, давно сгнившимъ“. Самосознаніе Екатерины и ей подобныхъ лицъ, опирающихся въ своей нравственной жизни на Христа распятаго и *воскресшаго*, представлялось *самообманомъ*. У меня осталось впечатлѣніе, что это — *ваша* мысль. .А. Н.—чь. Да и трудно, правду сказать, найти третье объясненіе, если не принимать того, которое предлагаютъ люди, свидѣтельствующіе о живомъ союзѣ своемъ съ Воскресшимъ.

Но любовь къ истинѣ позволить ли остановиться и на теоріи самообмана? Не придется ли тогда признать, что наилучшія движенія души человѣческой и высочайшіе акты воли порождены были самообманомъ, т. е. въ сущности неправдой?! Или, можетъ быть, самообманъ состоялъ не въ томъ, что люди мечтой своего воображенія умножали въ себѣ добродѣтель, а въ томъ, что эту *собственную, самодѣльную*, такъ сказать, добродѣтель мысленно связывали, безъ всякой нужды и выгоды для добродѣтели, съ своимъ фантастическимъ вѣрованіемъ въ „Воскресшаго Мертвеца“, питающаго ихъ своею плотью и кровью?

Но тутъ является новое затрудненіе. Какъ объяснить себѣ, что на разстояніи столькихъ вѣковъ люди различныхъ національностей, различнаго образованія, пола, возраста, общественнаго положенія подпадаютъ такому *странному* обольщенію, усваиваютъ, *очевидно не-нужное* и столь несвойственное „здравому смыслу“ вѣрованіе? Удивительно, что и развитіе такъ называемаго положительнаго знанія не освободило людей отъ этого историческаго, изъ вѣка въ вѣкъ переходящаго, кошмара: Паскаль, Гладстонъ, нашъ Владиміръ Соловьевъ — тому живые примѣры... Знаменательно также, что *тогдашніе* психологи оказываются въ сплскѣ этихъ, по вашему, безумцевъ, последователей Назарейской ереси. Чего стоитъ одинъ Псаакъ Сиринъ, столько же превосходящій васъ (даже васъ, говорю безъ всякой про-

ни) глубиной психологического анализа, сколько и высотой своего *истинно* духовнаго настроенія?! Вѣдь если есть дѣйствительная психологія, такъ главнымъ образомъ (если не исключительно) у тѣхъ подвижниковъ христіанства, которые утверждались на камнѣ „безумнаго“ вѣроученія Церкви. Неужели эти сердцеѣдцы не могли разобратся въ такой *очевидной*, по вашимъ словамъ, лжи? Странно, больше того, — непостижимо это эпидемическое ослѣпленіе, идущее изъ рода въ родъ въ столькихъ народахъ...

Миную ваши обычные упрёки по адресу Церкви за искаженіе ея ученія Христа о судахъ, войнахъ и др. родахъ насилія. Прочтите, если вы не читали, „Три разговора“ Владиміра Соловьёва: тамъ сказано объ этомъ много такого, что должно бы, кажется, заставить васъ задуматься...

Перехожу въ вашему заключительному *profession de foi*. Нѣсколько разъ перечитывалъ я этотъ краткій символъ вашей вѣры и каждый разъ неизмѣнно испытывалъ одно и тоже тоскливое, гнетущее чувство. Слова все хорошія: Богъ, Духъ, любовь, правда, молитва, а въ душѣ пустота получается по прочтеніи ихъ. Не чувствуется въ нихъ жизни, вѣянія Духа Божія.. И Богъ, и Духъ, и любовь, и правда—все какъ-то мертво, холодно, разсудочно. Невольно вспоминается вашъ переводъ I гл. Евангелія отъ Іоанна, гдѣ вы глубокое, могучее „Въ началѣ бѣ Слово и Слово бѣ къ Богу и Богъ бѣ Слово“ замѣнили жалкимъ „въ началѣ было разумѣніе, разумѣніе стало вмѣсто Бога, разумѣніе стало Богъ“. Левъ Николаевичъ, какой же это Богъ — *разумѣніе*?! Вѣдь попросту сказать, вашъ Богъ есть только ваша *идея*, которую вы облюбовали и облюбовываете, перевертывая ее со стороны на сторону въ теченіе 2 десятилѣтій. Вы никакъ не можете выйти изъ заколдованнаго круга собственнаго „я“. Даже въ молитвѣ, этомъ высочайшемъ душевномъ актѣ, невозможно связующемъ христіанина съ Богомъ и раздвигающемъ границы человѣческаго „я“ до безконечности Божіей, вы

остаетесь одиноки — съ однимъ собой, въ одномъ себѣ. Ваша молитва (по вашему же признанію) есть лишь *усиліе* и *усиленіе* вашего *сознанія*, а не дѣйствительная бесѣда души человѣческой съ *живымъ* Богомъ, она есть искусственный психическій актъ выдвиганія передъ сознаниемъ извѣстной идеи, а не приобщеніе къ живому, пренотекущему Источнику благодати, орошающему изсохшую землю сердца нашего. Вѣра ваша такая же отвлеченная, разсудочная и мертвая, какъ и вѣра тѣхъ ортодоксовъ, которые ограничиваются философскимъ признаніемъ догмы, забывая, что „истина познается не логическими разсужденіями, а всею цѣлостію нашего нравственнаго существа“, требующаго для приобщенія къ истинѣ *опредѣленную* религіознаго *подвига*. Какъ они, такъ и вы мало разумѣете, что вѣра (съ характеромъ которой въ тѣснѣйшей связи стоитъ и характеръ молитвы, этого, такъ сказать, барометра духовной жизни) есть нѣчто болѣе глубокое, сильное и дѣйственное, чѣмъ обычный актъ сознанія или нѣкоторая идейная настроенность.

Есть вѣра отъ слуха (Рим. X, 17) и есть вѣра уповаемыхъ извѣщеніе (Евр. XI, 1).

Вотъ эта-то вѣра, *осуществляющая* ожидаемое и *этимъ* дающая непоколебимую увѣренность въ невидимомъ, — и чужда вамъ, ибо дается она только Богочеловѣкомъ Христомъ, чрезъ Кого *единственно* мы получаемъ, еще живя на землѣ сей, доступъ къ Небесному Отцу и къ дарамъ Его милости.

Отметая Христа *Искушителя*, вы неизбежно лишаете вашу душу Его благодатнаго воздѣйствія, а потому не имѣете того духовнаго опыта, который, когда вы говорите о добродѣтеляхъ, помочь бы вамъ отличить любовь Христову отъ естественной благонастроенности, благодатную кротость отъ самообладанія (или природной тихости), смиреніе отъ снисходительности, мудрое во Христвѣ терпѣніе отъ безплоднаго самоистязанія. Потому-то вы и не понимаете великаго значенія вѣры въ Христа распятаго и воскресшаго, необходимости ея

для *истиннаго* возрожденія челоуѣка, ибо самое возрожденіе вамъ невѣдомо...

У васъ, какъ это ни странно многимъ слышать, нѣтъ мѣрила для оцѣнки и опредѣленія важнѣйшихъ нравственныхъ переживаній души челоуѣческой.—переживаній, доступныхъ самымъ простымъ и некнижнымъ людямъ, о которыхъ апостолъ сказалъ, что Богъ избралъ немудрае міра, чтобы посрамить мудрыхъ, и немощное міра избралъ, что бы посрамить сильное, для того, добавляетъ апостолъ, чтобы никакая плоть не хвалилась передъ Богомъ. Да, какъ ни безеысленно это на иной взглядъ, но духовное вѣдѣніе, доступное Павлу *Препростому* (IV в.), не дано *Льву мудрому*, святилице таней Христовыхъ, открытое для перваго, закрыто передъ вторымъ...

Эпиграфомъ и эпилогомъ своей статьи вы избрали слова Кольриджа.— слова настолько значительныя, что ихъ нельзя пройти молчаніемъ. Въ нихъ, мнѣ кажется, до нѣкоторой степени заключается разгадка того недоразумѣнія, которое существуетъ между вами и Церковью.

„Тотъ, кто начнетъ съ того, что полюбитъ христіанство болѣе истины, очень скоро полюбитъ свою Церковь или секту болѣе, чѣмъ христіанство и кончитъ тѣмъ, что будетъ любить себя (свое спокойствіе) больше всего на свѣтѣ“.

Не знаю, съ котораго конца подойти къ этому афоризму: почти каждое слово требуетъ комментарія.

Начну, пожалуй, съ фактической проверкы даннаго положенія.

Вотъ передъ нами апостолъ Павелъ, особенно, помните, нелюбимый вами за мнимое некаженіе ученія Христова, больше другихъ апостоловъ потрудившійся надъ устроеніемъ *Церкви*.

Чѣмъ же онъ кончилъ? Тѣмъ, что полюбилъ *себя* (свое спокойствіе) больше всего на свѣтѣ?! Заклятыи врагъ истины не позволитъ себѣ сказать этого о немъ, величайшемъ, по справедливому выраженію Фаррара, изъ великихъ людей, вся жизнь котораго со времени обращенія его ко Христу была сплошнымъ *мученическимъ*

подвигомъ. и въ любящемъ сердцѣ котораго не тѣсно было многимъ народамъ.

Вспомните и весь сонмъ апостольскій... Воспомните ближайшихъ учениковъ Христа—Петра и Иоанна, *единомысленики* посланія которыхъ съ искаженнымъ, какъ и у Павла, ученіемъ Христовымъ передъ нашими глазами... Чѣмъ кончаютъ они? *Изтаниемъ, мученичествомъ.*

Оставляю въ сторонѣ періодъ гоненій, когда такъ мало помышляли о покоѣ, а такъ много проливали крови за воскреснаго Христа и Церковь Его Святую, и опять напоминаю вамъ о подвижникахъ пустынь—Антоніи, Макаріи, Псаакѣ (и другихъ, имже нѣтъ числа), объ отцахъ и учителяхъ Церкви—Златоустѣ, Василии, Григоріи, Августинѣ, о божѣ близкихъ къ намъ Сергіи Радонежскомъ, Стефанѣ Пермскомъ, св. Филиппѣ, Тихонѣ Задонскомъ... Не знаю, какъ вы, Левъ Николаевичъ, а я очень желалъ бы любить свое спокойствіе *такъ*, какъ любили свое эти рабы Христовы и служители Церкви. Увѣренъ, что и Господь такому моему спокойствію порадовался бы.

Очевидно, мысль, которую вы хотѣли выразить или подтвердить словами Кольриджа, не оправдывается фактами. И не оправдывается потому, что понятія тутъ перепутаны, сдвинуты съ своихъ основъ, поставлены въ взаимную связь по случайнымъ, а не по существеннымъ признакамъ. Вы отдѣляете истину отъ христіанства, хотя въ послѣднихъ строкахъ и заявляете, что *до сихъ поръ* истина совпадаетъ для васъ съ христіанствомъ, какъ вы его понимаете.

Для тѣхъ же великихъ и святыхъ людей, о которыхъ я только что говорилъ, и жизнь которыхъ представляеть такое блестящее опроверженіе афоризма Кольриджа, истина *безусловно* совпадаетъ съ христіанствомъ, для нихъ *Христосъ* есть Истина *абсолютная*, ибо въ Немъ, по слову апостола, обитаетъ полнота Божества тѣлесно (Кол. II, 9).

Мало того, для нихъ и Церковь была неразрывно связана съ истиной, что видно изъ словъ того же апо-

стола, называющаго Церковь столпомъ и утвержденіемъ истины (1 Тим. III. 15). Вѣрованіе ап. Павла было вѣрованіемъ и прочихъ апостоловъ. „самовищевъ Слова“, о чемъ свидѣлствуютъ ихъ писанія. Этотъ, кетати сказать, *единственный документъ*, знакомящій насъ съ ученіемъ Христовымъ. Вѣру апостоловъ раздѣляли и ихъ ученики: эту же вѣру приняли и неовѣдывали и христіане послѣдующихъ вѣковъ. Итакъ, вы видите, что всѣ эти люди любили христіанство и Церковь, *какъ истину*, т. е. истина совпадала для нихъ съ христіанствомъ, какъ они понимали его: иначе сказать, они никакъ не менѣе васъ были правы передъ истиной, а если посмотрѣть на *жизнь* ихъ, то, несомнѣнно, окажется, что даже превосходили васъ любовью къ ней...

Неосновательно раздѣливъ истину, христіанство и Церковь, реченіе Кольриджа такъ же неосновательно смѣшиваетъ Церковь съ сектой. Для Кольриджа такое смѣшеніе естественно: онъ не зналъ Церкви, а видѣлъ секты, именующія себя Церквами: свои выводы изъ наблюденій надъ сектами онъ перенесъ на Церковь. Между тѣмъ многое, что приложимо къ сектѣ, вовсе не приложимо къ Церкви.

Впрочемъ я не стану *безусловно* оспаривать мысли, выраженной въ словахъ Кольриджа. Возможно, и къ сожалѣнію, нерѣдко случается, — что люди, принадлежащіе къ Церкви, уподобляются сектантамъ по своему душевному устроенію. Разумѣю тѣхъ, кто вступаетъ въ Церковь, ища въ покорномъ послушаніи ей, какъ *внѣшнему авторитету*, гнѣваго покоя для своей истомленной головы. При такомъ отношеніи къ Церкви движеніе впередъ по пути усвоенія истины прекращается, вѣра и любовь изсыкаютъ, въ душѣ рождается сектантское самодовольство съ неизбежными спутниками: фанатизмомъ и нетерпимостью.

Но эти случаи, мало ли ихъ будетъ, или много, не измѣняютъ *существа* дѣла, не опровергаютъ истинности христіанства и Церкви (хотя и вносятъ соблазнъ въ многія людскія души), подобно тому, какъ преобладающее количество эгоистовъ въ мірѣ не подрываетъ въ глазахъ

разумнаго человека правды нравственнаго закона (хотя и порождаетъ въ иныхъ сердцахъ сомнѣнiе въ силу его).

На ваше послѣднее признанiе, что вы радостно и спокойно приближаетесь къ смерти. — ничего не скажу. Будущее, неизвѣстное и вамъ, и мнѣ, скажетъ свое слово о вашемъ спокойствii и вашей радости...

Простите, если чѣмъ нечаянно обидѣлъ васъ. Я. И — чѣ. Говорю „нечаянно“, потому что во все время писанья не замѣчалъ въ себѣ ничего къ вамъ враждебнаго. Напротивъ, съ первыхъ страницъ моего письма всплыли изъ далекаго прошлаго наши дружескія отношенiя, и образъ ихъ не покидаетъ меня доселѣ. Мнѣ грустно, что ихъ нѣтъ теперь и не можетъ быть, пока между нами стоитъ Огнь. Господь мой и Богъ мой, молитву къ Кому вы считаете кощунствомъ, и Кому я молюсь ежедневно, а стараюсь молиться непрестанно. Молюсь и о васъ, и о близкихъ вашихъ съ тѣхъ поръ, какъ разошлись съ вами, я послѣ долгихъ блужданiй по путямъ сектантства вернулся въ лоно Церкви Христовой.

Для всѣхъ насъ „время близко“, а для васъ, говоря по *человѣческому* разсужденiю, — и очень близко... Но я не теряю окончательно надежды, что вамъ, которому такъ хорошо знакомо слово евангелиста Юанна, что „всякій, не дѣлающій правды, не есть отъ Бога“ (1 Юан. 3. 10), откроется истинный смыслъ и другаго слова того же апостола любви, что „не есть отъ Бога и всякій духъ который не исповѣдуетъ Иисуса Христа, пришедшаго во плоти“: тогда, можетъ быть, въ послѣднія минуты вашего земнаго странствiя, Образъ Воскресшаго зажжется яркимъ пламенемъ въ душѣ вашей, и вы, выйдя изъ мрака въ „чудный свѣтъ“ Его, подобно блаженному Августину, если не воскликнете, то въ тайнѣ сердца вашего изречете: *Sero te amavi, pulchritudo tam antiqua et tam nova, sero te amavi!*

Вышій-Волочекъ,
Тверской губ.
20 мая 1901 г.

М. А. Новоселовъ.

